

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Павочка С. Г.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

Понятие личности у евразийцев обрело расширенный статус: реально существующей полагалась не только индивидуальная личность, но и социальная группа («сословие», «класс»); реален народ, субъект культуры (европейской, русско-евразийской), реально человечество как соборные (симфонические) личности. Как носитель определенной культуры, системы ценностей и ориентаций любой народ – субъект исторического процесса, материализующий в нем свои духовные начала посредством объективации целесообразного творчества, обнаруживающего совокупность индивидуальных и коллективных целеполаганий и целенаправленных волевых усилий. Таким образом понятая личность атрибутировалась характеристиками неразложимости и неповторимости, закладывающими основы интегральной мировоззренческой призмы евразийского мышления – персонологии. Историческая конкретность, эмпирическая положенность индивидуальной и коллективной личности в историческом бытии фиксировалась в синтезе духа и плоти, функциональная обусловленность и взаимосвязь которых становилась предметом синтетически ориентированного исследования, предполагавшего преодоление дихотомии души и тела в рамках трактовки данной оппозиции как психофизиологического единства. Включенность коллективной личности (а через нее и индивидуальной) в историю, локализация ее в пространстве, очерченном пределами государственно-территориальных образований и ее временная идентификация становятся для евразийцев специфической познавательной ситуацией и формирующимся на ее основе понятийным каркасом геософии (Савицкий) – установления системных характеристик, отражающих связи исторической личности с занимаемой ею природно-физической средой. Синтетичность подхода не позволяла вынести за знак познаваемого множества («месторазвития») многонародную личность, поскольку как коррелят окружающей ее природной стихии она сопричастна ей, функционально соответственна, являясь ее продолжением. Разработанное мыслителями понятие личности стало ключевым понятием антропологической рефлексии евразийства, связывая его философскую, социологическую, историософскую и политическую проблематику. Творческие силы современного им Запада диагностировались евразийцами как ис-

черпанные. Будучи внешне прикрытым успехами научно-технического прогресса, этот кризис наиболее полно выражен в упадке философских систем, «убывании души» западной культуры. Суть его усматривалась в отсутствии органически-синтетических идей, замене органического единства механическим, процессах атомизации социальной жизни. Данной тенденции противопоставлялось понимание личности как «живого и органического единства многообразия». Утверждая концепцию симфонической личности, симфонической культуры, евразийцы обращались также и к раннему христианству, развивавшему представления о естественном стремлении народов жить по правилам внутреннего порядка, основанного на вселенской гармонии Бога, человека и мира. Понятию симфонической личности было придано значение «качественности» – воплощения трансцендентного начала в мире. В соответствии с ним отдельно взятая личность раскрывает себя через связанное, «стяженное» единство объемлющего ее природного, социального, духовного миров. Предложенная евразийцами версия всеединства отличается своей онтологической и диалектической направленностью. Она включает иерархичность строения и упорядоченность целого, где степень индивидуализации личности (мера индивидуальности) зависит от свободного стремления личности к соучастию в созидании общественного порядка, приобщения к симфоничности бытия. В силу «тварности» любая личность несовершенна, и в этом состоянии всегда сказывается ее потенциальность, нераскрытость свойственных ей «качественностей». Их актуализация связана с актами познавательной деятельности, приводящими к включению личности в структуру окружающей действительности, раскрытию внутреннего содержания личности и личностных качеств бытия, делая тем самым возможным процесс восхождения тварного мира к Богу посредством целеполагающей деятельности симфонической личности, направленной на преобразование ее внутреннего мира. Таким образом, личность не только индивидуальна, она соборна.

Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями создающего ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью – отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции, опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободопологаемых целей. Культуру евразийцы истолковывали не как случайную совокупность отдельных элементов, а как органическое и специфиче-

ское единство, как живой организм. С чисто формальной точки зрения нет самостоятельных культур в том плане, что все новые культуры рождались в существующей среде других культур. Но в сущности своей каждая из них самобытна, возникает и развивается как нечто абсолютно новое и специфическое, что фиксируется евразийцами в понятиях «идея» или «дух» культуры. Русское славянофильство XIX в. было «смутным» осознанием своеобразия русской культуры. Евразийство «углубило» понимание специфичности русской культуры, которая приводит мыслителей к решительному отрицанию сущности западничества именно как отрицания самобытности и существования русской культуры. Очарованию западного духа в свое время подверглись и славянофилы, что выразилось в растворении последними русско-евразийской культуры в племенном родстве. С евразийской точки зрения более важным в осмыслении русской культурной специфики признаются «туранские элементы», а механистический подход к культуре должен быть восполнен принципом органичности, единства и целостности культуры. Культура всегда рождается и развивается как определенное органическое целое; «конвергентно» локализуется в политической, хозяйственно-экономической и бытовой формах, выявляется в этническом типе, географических особенностях территории.

Развитие предполагает наличие того, что развивается, т. е. субъект развития в исторической действительности – это всегда личность. При этом развитие не является каким-то самобытием, оно всегда есть сам саморазвивающийся субъект (личность). В истории субъектами развития могут быть как индивидуумы, так и, в случае «общего» развития, коллективные или соборные, симфонические личности, к примеру, группа, народ, культура, человечество. Культуру евразийцы понимали в двух ее значениях: 1) культура как симфоническая личность (культуро-личность, культуросубъект), что приближало мыслителей к пониманию культуры Данилевским и Шпенглером; 2) культура как осуществленные возможности и продукты культуросубъекта. Допущение существования симфонических личностей не означает, с точки зрения евразийцев, гипостазирования отвлеченных сущностей. Симфоническая личность не существует вне своих индивидуаций, так же как культура или народы не существуют вне своих носителей, составляющих их индивидуумов.

Различие между индивидуальным и общим сводится здесь к различию между индивидуумом и симфонической личностью. При этом индивидуумы представляют собой свободную самоиндивидуализацию симфонической личности, а сама симфоническая личность трактуется как единство и согласованное множество индивидуумов. Поэтому

«христианская культура, как симфоническая личность, осуществляет себя в ряде низших симфонических личностей (культуры евразийско-русская, европейски-католическая и др.), а эти низшие – в ряде народов, как народы – в последнем счете – в индивидуумах» [1, с. 144]. По мнению виднейшего теоретика евразийства Л.П. Карсавина, реальное единство и личное бытие человечества, и в нем христианской культуры, не являются подтверждением «всемирно-исторической точки зрения» и не означают принятия идеологии прогресса. Единство личности предполагает, что ее «однородные» состояния суть разьединенные в пространстве и времени проявления одного состояния. С середины XIX в. стала преобладать доктрина исторического материализма. Ее предпосылка состоит в понимании исторического процесса как осуществляющегося по принципу материально-механических явлений. История предстает как сумма причинно взаимосвязанных процессов и неизменных фактов. Сам вопрос о природе каузальной связи не рефлексируется, также вне внимания остается и вопрос о «сумме», или «системе», которая отождествляется с естественнонаучными «законами», интерпретируемыми аналогично законам естествознания.

Начала материалистически-механистической доктрины евразийцы связывали с католическими религиозно-философскими учениями о Провидении, с новоевропейским деизмом. Формально материализм как методология, или понимание исторического бытия как устроенного по принципу материального мира, неизбежно приводит к признанию приоритета материальной стороны общественной жизни. Основа истории локализуется в «хозяйственных», материальных процессах, тогда как в действительности из материи нельзя вывести что-либо, кроме материи. Последнее ведет к разъединению симфонической личности на телоподобные системы и к отрицанию ее как личности. Основным социальным телом признается класс – наименее органическое из социальных единств. Класс как низшее единство элементаризируется далее, классовая борьба проецируется в прошлое, становится историческим нервом современности. Сам класс мыслится как сумма индивидуумов. Сама же гипотеза классового устройства общества, как и признание классовой борьбы сущностью и причиной истории, в действительности отражают внутреннее состояние современного западного общества, его разложение и «умирание» в нем личного начала, упрощение общественных отношений. Все богатое разнообразие личной жизни уходит в полуживотную сферу, упрощается и аккумулируется в элементарных стихиях зависти, жадности, ненависти. Определяющими категориями социального бытия становятся бедность и богатство, а сам социальный идеал усматривается в равенстве, охватывающем и сферу духовных

явлений. Здесь действует элементарная логика: упрощенному состоянию общества соответствует упрощенное сознание, утрачивающее способность в прошлом и будущем рассмотреть сложное единство личности. В теоретических воззрениях современного евразийцам социализма была схвачена проблематика реальной жизни. Однако эти теории носили идеалистический характер. Негласно они признают симфоническое и личное бытие за классом пролетариев. Пролетариат наделяется многими добродетелями, прежде всего – государственными. Тем самым они отрицают себя самих точно так же, как отрицает себя и погибает отражаемая в них данность.

Ни материализация, ни механизация не способны продвинуть нас, по мысли евразийцев, к правильному пониманию сущности симфонической личности. Любая личность – и индивидуальная и симфоническая – в равной степени живет хозяйственной, социальной и политической жизнью. Все эти качества и есть сама личность. Каждое качество личности специфично. В особенности их следует различать в исторической ситуации, когда личность вышла из стадии первичной «расплавленности» и не находится в стадии революционной «расплавленности». Подобная историческая ситуация отчетливо демонстрирует ограниченность проявлений личности в каждом из качествах. В опыте симфоническая личность выражена в различных качествах с неодинаковой полнотой – в зависимости от многих факторов: она может быть выражена преимущественно политически, экономически или религиозно. Методологически поэтому оправдано, считали евразийцы, исходить из анализа наиболее показательного именно в данный период развития. Для исторических ситуаций революционного типа преимущественным и показательным качеством является политическое, понимаемое как отнесение к единству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карсавин, Л. П. Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: сб. тр. евразийцев. – М.: Беловодье, 1997.